

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

**Нравственность
современного
российского общества**
Психологический анализ

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлев,
А. В. Юревич*



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2012

УДК 159.9

ББК 88

Н 86

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Н 86 Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. – 413 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0250-4

УДК 159.9

ББК 88

Книга служит продолжением изданных ранее Институтом психологии РАН коллективных научных трудов «Психология нравственности» (2010) и «Психологические исследования духовно-нравственных проблем» (2011), развивая психологический подход к изучению духовно-нравственной проблематики. В ней рассмотрены теоретико-методологические основы исследования нравственности, нравственно-психологические составляющие ряда социальных процессов и наиболее острых проблем современного российского общества, таких как коррупция, наркомания, мошенничество и др.

Издание финансируется в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе»

ФГБУН Институт психологии РАН, 2012

ISBN 978-5-9270-0250-4

ПСИХОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ И ПРОЦВЕТАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЗЛА

А. Н. Поддьяков

В последние 20–30 лет интенсивно развивались психологические подходы, изучающие счастье, благополучие, процветание и разрабатывающие практические рекомендации, как стать счастливее. Это достойные задачи.

При этом, в зависимости от степени благополучия/конфликтности отношений, доминирующих в обществе и в окружающем мире, возникает проблема такой организации благополучия и счастья, которой не страшны действия негативно, враждебно настроенных субъектов (грабителей, международных террористов, внешних оккупантов и т. д.), активно мешающих процветанию.

Цель данной статьи – проанализировать, как относятся к преднамеренному злу и к его носителям сторонники психологических подходов, изучающих счастье и процветание, каковы особенности и динамика этого отношения.

Общие представления о благосклонности/неблагосклонности мира в психологических подходах к изучению счастья и благополучия

Начиная, по крайней мере, с исследований Бенедикт Рут в первой трети XX в., в психологии развиваются представления о двух типах отношения людей к миру. Предельно четко эти типы сформулиро-

Статья написана в рамках исследовательского проекта РГНФ № 10-06-00294а «Аксиологические основания позитивной психологии: философско-психологический анализ». Данный текст является значительно расширенной и дополненной версией статьи: Поддьяков А. Н. Позитивная психология и проблема зла // Психологические исследования. Электронный журнал. 2012. № 2(22). С. 1. URL: <http://psystudy.ru>. 0421200116/0013 (дата обращения: 20.10.2012).

ваны в «Учении о трех мирах», озвученном одним из персонажей романа С. Лема (Лем, 1990, с. 207):

«В благосклонном мире:
легче творить, чем уничтожать;
легче осчастливить, чем мучить;
легче спасти, чем погубить;
легче оживить, чем убить.

В неблагосклонном мире:
легче уничтожать, чем творить;
легче мучить, чем осчастливить;
легче погубить, чем спасти;
легче убить, чем оживить.

В нейтральном мире одинаково легко (трудно) и то, и другое».

Аналогично в работах психологов рассматриваются и сопоставляются:

- отношение к миру как в целом гармоничному, с низкой конфликтностью, где преступления и даже серьезные конфликты – отступление от нормы;
- отношение к миру как к наполненному противоречиями и конфликтами, недружественностью, которая если и не доминирует, то не может быть проигнорирована (Дружинин, 2000; Ениколопов, 2011; Поддьяков, 2007; Lee, 1995; Werner, 2004; Zabielski, 2007).

Так, С. Н. Ениколопов анализирует концепцию С. Эпштейна, в соответствии с которой люди автоматически конструируют имплицитную «теорию реальности» (Epstein, 1991). В нее входят следующие основные блоки: теория собственного Я, теория окружающего мира и теория отношений между Я и миром. Личностная теория реальности задает отношение к миру как к доброжелательному или несущему угрозу; как к осмысленному, предсказуемому, контролируемому, стабильному и справедливому – или же наоборот; отношение к другим людям как к доброжелательным, не несущим угрозы, или же как к потенциально угрожающим.

Далеко не во всех работах по психологии счастья и процветания можно найти формулировки, в которых явно выражено отношение к проблеме добра и зла. Мы отобрали те работы, в которых авторы занимают по отношению к этой проблеме рефлексивную позицию и стремятся донести свое мнение до читателя.

С точки зрения двух представленных типов отношения к миру, взгляды психологов, занявших эту рефлексивную позицию, можно разделить на несколько групп, в зависимости от того, как они оценивают:

- ныне существующий мир;
- необходимость и возможность его изменения;
- способы этого изменения (если оно вообще необходимо).

Первая позиция: «Мир просто идеален, поэтому не надо его улучшать, все ваши усилия напрасны».

Четче всего ее сформулировал Н. Д. Линде, автор книги «Основы современной психотерапии» (Линде, 2002), в своей «Сутре о счастье». Он пишет: «Как говорил мой гуру, „Врата ада заперты изнутри“. А если они заперты изнутри, то как Бог может вывести оттуда людей? Им хочется там находиться, и они держат круговую оборону, чтобы только не попасть в рай. Как может попасть в рай гневный человек? Как может попасть туда подавленный человек? Как может это сделать пораженный страхами и тревогами человек? Как может попасть туда вечно сражающийся человек? В раю нет атомных боеголовок! Но есть люди, которые так держатся за боеголовки, что не могут пролезть в рай! Самый лучший способ избавиться от войны и боеголовок – научиться жить в раю и научить этому своих врагов. Если все будут жить в раю, не нужны будут боеголовки и не будет никаких врагов. А если враги – такие дураки, что не хотят жить в раю, то им же хуже, хотя и жаль» (Линде, 2009).

Про преступность и преступников Н. Д. Линде ничего не говорит, но позиция, если рассуждать логически, и здесь должна быть такая же. Если не хотят жить в раю, то пусть насилуют, грабят, убивают и делают все остальное, что считают нужным, – хотя и жаль.

Н. Линде пишет: «Те, кто хочет „раскорючить“ этот мир, пытаются все разложить по полочкам, все проконтролировать, все спланировать. Они хотят превратить мир в идеально работающий механизм, соответствующий их представлениям о правильной жизни. Это стремление имело огромное значение для жизни всего человечества. Коммунисты хотели „раскорючить“ мир по-своему, а фашисты – по-своему. Что из этого получилось – всем известно, но ведь они исходили из гуманистического стремления людей XVIII века все подчинить разуму, отказаться от Бога и от бессознательного!» (там же).

Отношение Н. Линде не к фашистам, а к антифашистам остается неизвестным. Они тоже должны были оставить мир в покое и ничего не пытаться раскорючить?*

Вторая позиция: «Мир не идеален, но закономерно идет к лучшему». Стремясь к счастью и совершенствуя себя, мы работаем не просто на будущее благоденствие человечества, а на его всемогущество, всезнание и праведность.

Эту позицию отстаивает один из основателей позитивной психологии М. Селигман. Он пишет, что по мере развития человечества количество и значимость бесприигрышных, а не антагонистических игр все более нарастает. Это перекликается с аргументацией А. П. Назаретяна, что физическое насилие по мере развития цивилизации применяется все в меньшей степени (Назаретян, 2010), и К. Бенсона, что представления об отвратительности преднамеренно причиняемых страданий получают, очень медленно и постепенно, все большее распространение (Benson, 2001).

Сочувственно пересказывая положения Б. Райта, М. Селигман пишет: «Исторический прогресс – это не скорый поезд, а, скорее, упрямый осёл: иногда он отказывается тронуться с места, а иногда и вовсе поворачивает назад. Но, несмотря на такие „остановки“, как холокост, инфекционный терроризм и геноцид тасманских аборигенов, мы все-таки движемся в направлении бесприигрышности» (Селигман, 2006, с. 329). «Процесс усложнения преследует ни много ни мало, а обретение всезнания, всемогущества и праведности. Мы до этого не доживем, как не доживет и все современное человечество. Лучшее, что мы можем сделать, – способствовать прогрессу. Благодаря этому у нашей жизни появится смысл. Осмысленной жизни становится, когда мы чувствуем себя частью чего-то большего, – и чем больше это целое, тем более глубоким смыслом полнится наша жизнь. Стремление постичь Бога, наделенного всезнанием,

* Выглядит отчасти похожим на рассуждение случайно выжившего узника концлагеря, персонажа романа С. Лема, о попытках перестроить мир. «Последствия гуманистических систем были, в сущности, нулевыми, а последствия тех, других, наподобие ницшеанской, были кошмарны, и даже заповедь любви к ближнему, а также программу построения земного рая удалось переделать в довольно-таки массовые могилы» (Лем, 1990, с. 245). Но вывод у этого персонажа принципиально другой: «Конечно, сделать невозможным причинение зла – тоже зло для многих людей, тех, которые очень несчастны без несчастья других. Но пусть уж они будут несчастны» (там же).

всемогуществом и праведностью, делает нашу жизнь частью огромного целого... Полноценная жизнь – в том, чтобы идти к подлинному счастью, неизменно применяя свои индивидуальные достоинства. Но жизнь, исполненная высшего смысла, требует соблюдения еще одного условия – использования лучших своих качеств во имя человеческого знания, могущества и праведности. Такая жизнь воистину исполнена высшего смысла, а если, в конце концов, в ней появляется Бог, то и священна» (там же, с. 335–336).

Третья позиция такова: «Вселенная не враждебна и не дружелюбна к нам, она просто безразлична» (Дж. Холмс, цит. по: Чиксентмихайи, 2011, с. 32). Состояние потока, позитивные эмоции, «как и все на свете, не являются чем-то хорошим в абсолютном смысле» (там же, с. 118). «Оптимальные переживания – это энергия, которая может быть использована во благо или во зло. Огонь способен как греть, так и испепелять; атомная энергия может генерировать электричество, а может уничтожить весь мир. Энергия – это сила, но сила – это лишь средство. В зависимости от того, на какие цели она направляется, жизнь становится неисчерпаемым кладом богатства или же страданий» (с. 116–117). «Наша задача – научиться получать радость от повседневности, не мешая другим заниматься тем же» (с. 119).

Это позиция другого основателя позитивной психологии – М. Чиксентмихайи. Позитивные психологи ссылаются на него очень избирательно и осторожно, подчеркивая одни фрагменты его подхода (например, рассмотрение потока как источника позитивных ощущений) и тщательно, даже искусно, обходя, как мы покажем ниже, другие составляющие этого подхода, – в том числе и явное внимание к негативным сторонам человеческого бытия и к проблеме преднамеренного зла, мало свойственное большинству позитивных психологов.

Он пишет, что в состоянии потока, позитивных эмоций и даже счастья пребывали, вероятно, и маркиз де Сад, и простой китайский рубщик мясных туш, и зрители гладиаторских боев, и воины Золотой Орды, прославившиеся своей жестокостью, а также пребывают ныне современные солдаты, уничтожающие противника; преступники, угоняющие машины; участники массовых актов вандализма и т. д. (с. 116–119). Чиксентмихайи считает, что необходимо учитывать общий баланс порядка и хаоса, создаваемого разными людьми и социальными группами, стремящимися к достижению противоположных целей. Общество должно способствовать максимально

возможному достижению целей всех его членов, минимизируя хаос. При этом, как подчеркивает М. Чиксентмихайи, и это не гарантирует этичности происходящего, поскольку может достигаться за счет других обществ (нацизм).

Наконец, четвертая позиция: «Вы не можете быть здоровым на больной планете» (Servan-Schreiber, 2009, с. 81; цит. по: Wong, 2011, с. 77). «Вы не можете жить здоровой и наполненной жизнью в больном мире, зараженном преступлениями, коррупцией, несправедливостью, угнетением и нищетой^{*}. Это зло может разрушать индивидов и общества, подобно раковым клеткам» (там же).

Это позиция П. Вонга, развивающего проекты «Радикальная позитивная психология для радикальных времен» (Wong, 2007) и «Позитивная психология 2.0» (Wong, 2011). Он подчеркивает необходимость способствовать развитию хороших и достойных людей, как и гражданского общества в целом, а также преодолению и трансформации негативных явлений. Чтобы понять жизнь во всей ее сложности, надо изучать парадоксальные эффекты взаимодействия негативного и позитивного. Проект «Позитивная психология 2.0» дополняет критикуемую П. Вонгом американскую ветвь позитивной психологии М. Селигмана, создавая основу для развития добрых, хороших людей и психологически здоровых институтов – развития вопреки негативу и конечности человеческого существования (там же, с. 77–78).

Следует подчеркнуть: процитированные суждения относятся к уровню базовых, философских представлений о мире (из которых, заметим, вытекают те или иные конкретные практики). Соответственно, допускают серьезную ошибку те исследователи позитивной психологии, которые настаивают на том, что она является одновременно и научно-позитивистской в традиционном значении, то есть интересуется лишь фактами и методами и не претендует на философствование и построение определенного образа мира. Вышеприведенные высказывания – это именно философские суждения о добре (о «праведности будущего человечества», «святости жизни, в которой появляется Бог») и зле (геноциде, терроризме, преступности и т. д.) и о динамике этих явлений. (Подробная критика необоснованных претензий позитивной психологии на ста-

* Эмпирические исследования подтверждают это общее положение: у жертв ограблений ощущение субъективного благополучия значительно снижается, психологические потери очень велики (Kuroki, 2012).

тус позитивистской науки дана также в исследовании Х. Фридмена и Б. Роббинса (Friedman, Robbins, 2012)).

Для понимания того или иного подхода важны не только его явные формулировки, но и их операционализация в методических подходах, отборе примеров и ситуаций для анализа, купюрах при цитировании и т. п. Нас, соответственно, будут интересовать особенности, связанные с высказанным или невысказанным отношением психологии счастья и процветания ко злу и его носителям.

Читая книгу И. Бонивелл «Ключи к благополучию: Что может позитивная психология», можно найти цитату М. Чиксентмихайи о том, что переживание потока не является абсолютным добром, его последствия надо обсуждать и оценивать, исходя из более общих критериев, а также два подтверждающих примера: игровая зависимость подростков и трудового менеджеров (Бонивелл, 2009, с. 18). Ничего более серьезного. Даже если считать, что И. Бонивелл решила отобрать лишь часть примеров, исходя из соображений краткости, приходится поставить вопрос: почему она выбрала именно эти?

«Что может позитивная психология» – так называется книга И. Бонивелл. Ответ – она может срывать ключевые положения и примеры («кейсы») своего отца-основателя, если они не укладываются в позитивную картину. Это, видимо, часть позитивной работы – особой деятельности по созданию оптимистического образа мира.

При этом И. Бонивелл совершенно справедливо пишет, что «в серьезных травматичных ситуациях (таких как смерть, пожар, наводнение или изнасилование) оптимисты могут показаться неподготовленными, и тогда их прекрасный розовый мир рискует разбиться вдребезги (хотя оптимисты, по сравнению с пессимистами, лучше приспособлены к тому, чтобы выстроить его заново)» (там же, с. 33). Но ни в этой книге, ни в других книгах по позитивной психологии не найти указаний на то, что способы совладания в ситуациях, вызванных чужими преднамеренными действиями (убийство, поджог, предательство), могут (и часто – должны) быть особыми. В заключение статьи мы покажем, что совладание с преднамеренно созданными кем-то трудностями существенно отличается от совладания с трудностями, возникшими в силу естественных, ни от кого не зависящих причин.

Позитивная психология, вероятно, может дать рекомендации жертве изнасилования, как ей справиться с произошедшим и счастливо жить дальше, но она не дает рекомендаций, что делать, если на твой поселок набеги бандитов совершаются регулярно и изби-

ения, грабежи, насилие продолжают постоянно при попустительстве тех, кто призван тебя защищать. Ведь возможный совет «Немедленно обратитесь в полицию» рассчитан на социальные институты, работающие в позитивном ключе. Именно такие институты интересуют позитивных психологов. Отклонения в работе этих институтов (свидетельством чего и являются набеги банд) не просто не интересуют, но даже само внимание к этим отклонениям со стороны представителей «просто психологии» кажется чрезмерным и вызывает сожаление у части позитивных психологов.

Интересно, что в тех весьма редких случаях, когда позитивные психологи пишут не вообще о жизненных неприятностях, стоящих на пути к счастью, а о столкновении с активным злом, описываемые ими примеры совладания отличаются одной своеобразной особенностью. В этих примерах люди не борются со злом, а занимаются собой – находят себе отвлекающее занятие. М. Чиксентмихайи подобрал следующие истории. Американский летчик во вьетнамском плену бесконечно разыгрывает мысленные партии в гольф и благодаря этому после освобождения блестяще играет реальную партию; венгерские политзаключенные в тюрьме организовали конкурс на лучший поэтический перевод; Ева Цезел, сидевшая в тюрьме на Лубянке, мысленно собирала настенные светильники из подручных материалов; А. Солженицын, в отличие от тех, кто пытался спастись, бросаясь на колючую проволоку, периодически впадал в состояние мысленного полета, «унесенности» прочь; и т. п. (Чиксентмихайи, 2011, с. 116–150).

После этих описаний следует очень интересный абзац: «Ричард Логан проанализировал записи многих людей, переживших невыносимые ситуации, в том числе работы Виктора Франкла и Бруно Беттельгейма, размышлявших об источниках внутренней силы людей в экстремально тяжелых обстоятельствах. Оказалось, что всех „выживших“ объединяла одна общая черта: „неэгоцентричный индивидуализм“, то есть наличие важной цели, стоящей выше личных интересов^{*}. Такие люди не оставляют усилий, даже оказавшись

* Заметим, что когда М. Чиксентмихайи пишет через запятую «неэгоцентричный индивидуализм, то есть наличие важной цели, стоящей выше личных интересов», он смешивает весьма разные вещи. «Неэгоцентричный индивидуализм» означает, по Чиксентмихайи, что человек умеет «получать радость от повседневности, не мешая другим заниматься тем же». Но наличие важной цели, стоящей выше личных интересов, предполагает нечто иное. Эта важная цель может быть позитивной

в практически безнадежных обстоятельствах. Внутренняя мотивация делает их стойкими перед лицом внешних опасностей. Обладая достаточным количеством свободной психической энергии, чтобы объективно анализировать ситуацию, они имеют больше шансов обнаружить новые возможности для действий» (там же, с. 150).

Итак – объективный анализ и обнаружение возможностей для действий. Но где же, где сами эти действия, ради которых были необходимы мысленный улет и фантазии? Здесь обрыв – примеров и описаний таких действий нет! Полемически заострим суждение: советский летчик М. П. Девятаев, проведший больше полугода в нацистском плену, сумевший собрать группу из других пленных и захватить немецкий самолет, за минуты разобраться в устройстве этой неизвестной ему системы (он тоже мысленно предварительно проигрывал – но не партии в гольф, а действия в самолете), сумевший уйти от воздушной погони и долететь до советской стороны, для М. Чиксентмихайи менее интересен, чем другой летчик, все время нахождения в плену мысленно игравший в гольф, кем-то освобожденный и затем продолжающий играть уже на свободе. Может быть, М. Чиксентмихайи и не знает конкретно про М. П. Девятаева, но он, что по-настоящему удивительно, как бы не знает и про другие случаи такого же рода, в которых был не только мысленный «улет».

Аналогично М. Селигман предваряет свою книгу замечательным эпиграфом (стихотворение Марвина Левина «Трансцендентность»), в котором есть такие строки: «И мы сумеем изменить себя // И, руки протянув через решетки, // Друг друга вызволить из плена». Но и у М. Селигмана нет примеров такой взаимопомощи, которая была бы связана с реальным сопротивлением насилию, – речь у него идет о вызволении друг друга из духовного плена прежних стереотипов.

Наиболее адекватную позицию, как представляется, занимает П. Вонг. Он выдвигает в качестве одного из положений своего манифеста радикальной позитивной психологии принесение свободы – находящимся в заточении, справедливости – притесняемым. Но и он ничего не пишет о том, как к этому требованию отнесется противоположная сторона – притесняющие и угнетающие, а также как с ними поступать, если они по-доброму на убеждения не поддаются и не хотят меняться.

или же негативной, но в любом случае это не цель неэгоцентричного индивидуалиста.

В целом, на протяжении ряда лет создавалось впечатление, что про жизнестойкость и гибкость (resilience) позитивные психологи знают, а вот про сопротивление (resistance) – как бы нет или же настолько мало, что писать им не о чем и незачем.

Однако по мере изменения международного положения (первые работы, позиционирующие позитивную психологию как самостоятельное направление, появились на рубеже 1990–2000-х годов, когда это положение для США было весьма благополучным) изменялись и подходы позитивной психологии.

От позитивной психологии процветания к позитивной военной психологии

Обоснование позитивной психологии на начальных этапах

В своих первых текстах, посвященных созданию позитивной психологии, М. Селигман вводил ее как противовес той психологии, которую он называл негативной. Так, в одной из своих статей 2000 г. он писал: «В первую очередь я собираюсь обсудить представления негативной психологии и негативной социальной науки и противопоставить их представлениям позитивной психологии и позитивной социальной науки»* (Seligman, 2000, с. 415). Он рассуждал о том, что, например, политические лидеры Флоренции XV в., богатейшей страны Европы, решили вкладывать прибыль не в возрастающую

* Позднее, под влиянием резкой критики, представители позитивной психологии отказались от использования оценочного понятия «негативная психология» и стали употреблять словосочетание «просто психология» («psychology as usual»). Но, как пишет Б. Хэлд, выражения М. Селигманом задним числом своего сожаления по поводу того, что он использовал термин «негативная психология», принципиально вопроса не решают: исследовательница доказывает, что произведенная замена создает новые методологические проблемы (Held, 2005). При этом в настоящее время часть позитивных психологов (возможно, не знакомых с первыми текстами отцов-основателей этого направления) просто отрицает факт использования позитивной психологией оценочного словосочетания «негативная психология» и факт резкого противопоставления: а) позитивной психологии, призванной стать «научным монументом», и б) психологии негативной (психологии прошлого), основанной на «медицинской» модели. Более того, это противопоставление временами подается ими как изобретение самих противников позитивной психологии, приписывающих ей то, чего она никогда не делала, и пытающихся ее дискредитировать.

военную мощь, а в создание прекрасного. США, по мнению Селигмана, переживают сходный всемирно-исторический момент: они могут выбрать ориентацию на оборону или же на созидание, но не памятников – произведений искусства, а памятника другого типа. Цель – создать «научный монумент: позитивную психологию» (там же, с. 417)*.

«Негативная» же психология, по Селигману, реализует «медицинский», «клинический» подход: она чрезмерно озабочена депрессиями, шизофренией, алкоголизмом и прочими отклонениями. «Последние полвека наука психология, по существу, занималась одной-единственной проблемой – психическими расстройствами человека» (Селигман, 2006, с. 9). Аналогично, по Селигману, обстоит дело и в других социальных науках. «Крепкая семья, здоровое окружение, демократия, гражданские свободы, экономическая стабильность – все это примеры позитивных институтов. Их изучением должны бы заниматься социология, политология, антропология и экономика, но эти дисциплины (подобно академической психологии) в настоящее время заняты в основном явлениями отрицательными – расизмом, дискриминацией полов, макиавеллизмом, монополизмом и т. п. Эти общественные науки выполняют грязную работу – ищут средства для борьбы с явлениями, затрудняющими нашу жизнь, – ну а пока, в лучшем случае, учат, как избежать подобных явлений или свести их действие к минимуму. Майк, Рей и я пришли к выводу, что людям необходима позитивная наука, изучающая явления положительные» (там же, с. 342)†. Поскольку высказывание о «гряз-

* Этот фрагмент о позитивной психологии как «научном монументе» («памятнике») дословно включен также и в статью Селигмана и Чиксентмихайи в ведущем психологическом журнале США «American psychologist» (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000), что свидетельствует о его значимости.

† Позитивные психологи подчеркивают: даже простой подсчет публикаций по психологии личности показывает, что значительно большее их число посвящено негативным эмоциональным состояниям и различным отклонениям, чем позитивным состояниям и норме, и этот дисбаланс настоятельно требует корректировки. Данный подсчет, вероятно, страдает неполнотой. Как указывает С. Дак, исследования в другой области – психологии межличностных отношений – демонстрируют противоположную тенденцию: значительно больший перевес текстов о позитивных сторонах этих отношений, чем о негативных, что должно служить обоснованием более детального изучения именно последних (Duck, 1994).

ной работе», которой занимались социальные науки до позитивной психологии, является важным, во избежание разночтений приведем и оригинальный английский текст: «Sociology, political science, anthropology and economics are the proper home of such investigations, but these disciplines (like psychology) are also pervaded by the study of the disabling institutions, such as racism, sexism, Machiavellianism, monopolies and the like. These social sciences have been muckraking, discovering a good deal about the institutions that make life difficult and even insufferable. At their best, these social sciences tell us how to minimize these disabling conditions» (Seligman, 2002, с. 266). В оригинале используется английское разговорное слово *muckraking*, означающее «разгребание грязи, мерзости», «копание в навозе».

Итак, на рубеже тысячелетий М. Селигман выражал критическое отношение к общественным наукам, изучающим различные проявления преднамеренно совершаемого зла (расизм, макиавеллизм и т. п.) и методы борьбы с этими явлениями, как к таким наукам, которые выполняют грязную работу, хотя сейчас актуально позитивное отношение к миру.

«Счастье и благополучие – цель позитивной психологии... Понятия *счастье* и *благополучие* мы используем как взаимозаменяемые термины, определяющие задачи нашей науки. Эти понятия включают в себя как положительные чувства и ощущения (восторг, комфорт), так и позитивные виды деятельности, связанные с поглощенностью и увлеченностью и совершенно лишенные чувственного компонента», – писал М. Селигман (Селигман, 2006, с. 337).

Аналогично И. Бонивелл отмечала: «Западный мир уже давно „перерос“ те причины, которые лежали в основе исключительно медицинской модели психологии» (Бонивелл, 2009, с. 16). Настало время «узнать о нормальной и успешной жизни нормальных и успешных людей, а не только о жизни тех, кто нуждается в помощи», «о великом искусстве жизни, которой живут люди в каждом уголке планеты» (там же).

Однако позднее риторика и практика позитивной психологии существенно изменилась.

Современное состояние: гибкая адаптация позитивной психологии к ведущейся войне

Есть открытая официальная информация на сайте Центра позитивной психологии Мартина Селигмана (<http://www.authentic happiness.sas.upenn.edu/newsletter.aspx?id=1552>), что его центр последние годы ве-

дет программу психологической подготовки солдат и офицеров действующей армии США *Comprehensive Soldier Fitness* («Всесторонняя солдатская подготовка») и *Resilience Training* («Тренинг жизнестойкости»). Как пишут Х. Фридмен и Б. Роббинс, эта программа является самой масштабной за всю историю психологии: с 2009 г. Министерство обороны выделило на нее 120 миллионов долларов, и через нее уже прошло около миллиона солдат, а в будущем планируется, что пройдут все (Friedman, Robbins, 2012). Значит, она высоко (во всех смыслах: финансовом, административном и т. д.) оценивается донорами.

Год назад был опубликован номер журнала «*American psychologist*», целиком посвященный этой программе. М. Селигман – приглашенный редактор и соавтор ряда статей, в том числе заключительной статьи под названием, которое само по себе заслуживает внимания «Всесторонняя солдатская подготовка и будущее психологии (Seligman, Fowler, 2011), не говоря уже о содержании. Обратимся к этому содержанию.

Данная статья является очень важной, методологически установочной. В ней коротко излагается история военной психологии в США, даются установки деятельности на ближайшее время и делаются прогнозы на отдаленное будущее.

Прежде всего важно подчеркнуть: полностью отходя от своей прежней критики апелляции к болезням, теперь Селигман с соавтором пишет о том, что потребность в данном проекте вызвана стрессом, накапливающимся у военных в боях, большим числом случаев посттравматических синдромов и прочими патологиями. Стоит напомнить, что здесь он воспроизводит именно ту «медицинскую» логику, за которую он же, но как передовой, «позитивный» психолог, в более ранних текстах критиковал психологов «негативных».

В статье также поставлены принципиально важные ценностные ориентиры. Авторы пишут: американские военные выполняют боевые задачи, исходящие от правительства, исполняют волю нации. Было бы ошибкой отказывать в научной и профессиональной поддержке военным, обеспечивающим национальную оборону. И Американская психологическая ассоциация никогда не отказывала им в этой поддержке.

Как пишут Селигман и Фаулер, предлагаемые меры психологической подготовки для действующей армии исходят из принципов позитивной психологии, и в будущем, как они прогнозируют, подобная подготовка будет проводиться и для всего общества – для его гражданской, невоенизированной части (!).

В статье перечислены известные Селигману и Фаулеру возражения критиков по поводу этой программы и даны ответы на них.

Одно из основных возражений таково: психологическая подготовка бойцов помогает им чувствовать себя лучше во время убийства, помогает лучше делать эту работу. Ответ: если, к примеру, наши военные выполняют операции в регионе, зараженном малярией, москитами и т. п., должны ли врачи отказывать им в помощи на том основании, что эта медицинская помощь делает военных здоровее, а значит, эффективнее в убийстве? Разумеется, не должны отказывать. Долг – лечить. То же и с психологической поддержкой. Три идеологии, зародившиеся в XX столетии, – фашизм, коммунизм и исламский джихад – угрожали демократии. Без мощных вооруженных сил и воли использовать их в целях самообороны невозможна защита от нынешних и будущих угроз. Мы горды нашей помощью вооруженным силам в защите нации сейчас, и мы с гордостью поможем нашим солдатам и их семьям в мирное время, которое наступит (там же, с. 86).

От изложения перейдем к анализу.

В этих абзацах Селигман фактически отвечает, насколько он верит в благосклонность мира и в беспроигрышные игры для всех участников на нынешнем этапе: без практического использования мощных вооруженных сил невозможна защита от нынешних и будущих угроз.

Это совершенно правильно, и следует безусловно согласиться, что государству нужна мощная военная защита. В более ранних текстах Селигмана меня как раз удивляло то, насколько искусно он обходит темы самозащиты счастливых и процветающих от не-позитивно настроенных субъектов. Ведь реальность такова, что если напали убийцы, то зачастую надо убивать убийц. Если на ваш поселок регулярно совершаются набеги банд, надо что-то делать. Вооруженным силам, безусловно, нужны разработки психологов. Отечественные психологи, и я в том числе, тоже гордятся вкладом, которые внесли их предшественники в победу во Второй мировой войне, – будь то средства, повышающие эффективность адаптации зрения к темноте (что принципиально важно для разведчиков и часовых), или методы лечения и восстановления военнослужащих с мозговыми ранениями, и т. д.

Но интерес представляет не просто военная психология, а такая военная психология, которая декларирует свою позитивность.

При чтении Мартина Селигмана возникает (безусловно, ложное) впечатление, что он – как автор текстов по позитивной военной психологии – словно не вполне догадывается, что в условиях военных действий, на поле боя, действует совершенно иная, по сравнению с обычной, логика принятия решений, и там совершенно иная цена даже абсолютно правильных решений. Там люди убивают людей. Если там и есть позитивное мышление, то позитив этот очень особый, специфический.

Начнем объяснение особых условий принятия решений на поле боя с примеров такого типа, который в текстах по позитивной военной психологии почему-то не встречается.

Физиолог, академик РАН О. Г. Газенко, служивший в годы Отечественной войны начальником войскового лазарета, описывал следующую проблему. «Как поступить врачу на линии фронта с ранеными, если ситуация на этом участке фронта очень тяжелая? Если я сниму всех раненых и отправлю в тыл, то прорвут фронт и погибнут и раненые, и все остальные. Значит, раненому в руку я обработаю рану и отправлю в госпиталь. А раненого в ногу я оставлю около пулемета. Я не могу его снять. Это огромный риск: у него может начаться сепсис, он погибнет... (Кроме того, раненый в ногу боец не может маневрировать во время боя, что повышает риски. – А. П.) Эта плата за то, чтобы не случилось худшее, то есть перед нами задача с неопределенностью вопроса, и ответ в ней такой: я поступлю вот так, в результате выиграю то-то и то-то такой-то ценой. Врач должен каждый раз думать: какой ценой?» (цит. по: Фейгенберг, 2009).

Подчеркнем: военный психолог, осуществляющий всестороннюю психологическую подготовку военнослужащих, должен готовить командиров и врачей к необходимости принятия в ряде ситуаций и таких решений, как описанное выше, а солдат – к необходимости подчиняться соответствующим приказам.

Также в военных столкновениях командир может принимать решение о том, чтобы пожертвовать частью подразделения (например, группой, прикрывающей отход) с целью выполнения боевой задачи или спасения другой части подразделения. (На этой ситуации построена одна из моральных дилемм Л. Колберга, диагностирующих уровень нравственного развития.) К этим ситуациям тоже нужно психологически готовить.

Наконец, о самой общей проблеме пишет В. Н. Дружинин, излагая часть книги А. Коупленда «Солдат и война»: «Большинство активных участников боевых действий признается, что убить врага, которого

встречают лицом к лицу, крайне трудно. У нормального, „среднего“ человека, что бы о том ни говорили специалисты-этологи, последователи К. Лоренца, существует пресловутый психологический барьер, который препятствует убийству представителя своего вида. Другое дело, что этот барьер может быть сломан» (Дружинин, 2002, с. 118).

Остается неизвестным, как конкретно решаются названные и другие подобные задачи. (А они не могут не решаться, поскольку и отказ от их решения – это тоже сознательное решение.) Тонкие знатоки работ М. Селигмана, возможно, способны подсказать, где эти проблемы если не обсуждаются, то хотя бы ставятся им, но мне эти публикации неизвестны. Декларируется лишь, что все решается в позитивном ключе.

Как это возможно? Как возможна позитивная военная психология? Это сущностные вопросы. Насколько я знаю, сам М. Селигман словосочетание «позитивная военная психология» тактично не употребляет, ведь оно рисковало бы стать в один ряд с оруэлловским «минимиром» – «министерством мира», обозначающим министерство войны, или же с лемовским «Товариществом насаждателей общественного добросердечия». Но я не вижу иного логичного способа называть военную психологию, построенную на принципах позитивной, чем позитивная военная психология.

При этом я могу хорошо представить себе по отдельности позитивную психологию (психологию счастья и процветания) и военную психологию. В частности, например, можно представить статьи под названием «Террористический акт в (указание населенного пункта): подходы военной психологии» или «Геноцид и военное мышление». Но крайне трудно представить статьи «Геноцид и позитивное мышление», «Террористический акт в ...: подходы позитивной психологии».

Если говорить об умолчаниях о неприятном, являющихся типичной чертой ряда текстов по позитивной психологии, то для позитивной военной психологии характерно умолчание об отношении к врагу*. Даже когда статьи по позитивной военной психологии посвящены отношению к другому человеку, в них рассматриваются

* Интересно, что во многих текстах по позитивной психологии есть ссылки на необходимость понимания другого и развитие социального интеллекта. Но вы не найдете там примеров работы социального интеллекта, связанной с пониманием чужих недобрых намерений и действий. Максимально напряженная ситуация – взаимное непонимание, но не недоброе намерение.

отношения внутри ингруппы – отношения принятия, эмпатии, уважения, доверия, открытости, толерантности (и т. д., и т. д.) в самом подразделении, но не отношение к членам аутгруппы – к противнику, конкретным врагам, о которых авторы умудряются не сказать ни слова (см., например: Casiорро et al., 2011). Но тогда ради чего военные там, в зоне боевых действий, собрались? Для демонстрации эмпатии друг к другу?

Речь идет о сущностных вопросах. Убийство представляется выражением крайне негативного отношения (за исключением очень немногих случаев типа эвтаназии). Может ли отношение к врагу быть позитивным в условиях боевых действий и непосредственно в ходе боя? Как можно позитивно относиться к субъекту, видимому в прорези прицела перед выстрелом, к наблюдаемому в виде отметки на мониторе перед пуском ракеты и т. д.?

Необходимо еще раз повторить: если в этих ситуациях и есть позитив, то особый. Он отражен, например, в песне «Я люблю кровавый бой» героя войны 1812-го года Дениса Давыдова («Пусть французишки гнилые к нам пожалуют назад! За тебя на черта рад, наша матушка Россия!» и т. д.), в карикатурах Кукрыниксов времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с изображением врагов, в серии современных плакатов, созданных российской ассоциацией подразделений особого назначения «Витязь» с надписями: «Терроризм – это болезнь. Встречайте доктора», «Спецназ предупреждает: захват заложников опасен для здоровья» и т. д.

Кстати, этому позитивному черному юмору по отношению к противнику вовсе не чужды и американские военные. Например, в период военной операции против террористической организации Аль-Каиды по телевидению показали кадры с подготовкой американской боевой ракеты, на которой написано «Здравствуй, Усама». Среди прочего, такой показ по ТВ – это и средство формирования отношения, необходимого бойцам для боя, а всем остальным – для поддержки бойцов.

Можно быть уверенными, что победа в войне достигается очень во многом благодаря этому сплаву, с одной стороны, позитивного оптимистического отношения к миру, а с другой – резко негативного отношения (вплоть до готовности физически уничтожить) к врагам, убийцам, к тем, кто разрушает мир*. При этом такая позитивная

* «Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком... Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу,

психология счастья для угнетаемых – это психология несчастья для врагов. Здесь надо еще раз процитировать С. Лема: «Конечно, сделать невозможным причинение зла – тоже зло для многих людей, тех, которые очень несчастны без несчастья других. Но пусть уж они будут несчастны» (Лем, 1990, с. 247).

Но где анализ и формирование этого отношения к другому в позитивной военной психологии Селигмана? Не обязательно формирование отношения «я люблю кровавый бой» или «науки ненависти». Может существовать позиция и более отстраненная эмоционально. Но в любом случае она не вполне позитивна по отношению к противнику и требует анализа, если уж исследователь пишет о реальной подготовке к боевым действиям.

Возможным воплощением идеи реальной военной позитивной психологии может служить Анка-пулеметчица из фильма «Чапаев». В одном из ключевых эпизодов этот положительный персонаж выкашивает пулеметными очередями шеренги наступающей пехоты белых – выкашивает умело и сосредоточенно, находясь в том самом состоянии потока, о котором пишет Чиксентмихайи, но почему-то не пишет Селигман.

Между тем, можно не сомневаться, что как военный психолог, осуществляющий психологическую подготовку военнослужащих действующей армии, он вполне успешен, раз с ним заключает большие контракты Министерство обороны; на снижение боевой эффективности жалоб не поступало. С моей точки зрения, это освещает новые, пока не вполне эксплицированные возможности позитивной психологии Мартина Селигмана. Эти достижения надо институционализировать и закрепить: издать книги «Тактика рукопашного боя и аутентичное счастье» (раз уж 10 лет назад Селигман опубликовал основополагающую книгу «Аутентичное счастье»), а также «Боевое наставление позитивного психолога» и т. п. И на очередном съезде позитивной психологии может прозвучать такое представление: «С пленарным докладом выступает такой-то, общество позитивной психологии, отдел процветания и психологической подготовки военных операций».

чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагу всегда мы носим на кончиках штыков» (Шолохов, эл. ресурс).

Это, конечно, гротеск, но много ли здесь преувеличения, мы не знаем.

Поясню свою позицию. Я уважаю позитивную науку, которая помогает делать позитивные чувства счастливого процветающего субъекта еще более позитивными. Я уважаю военную психологию – военные психологи совершенно необходимы, они решают принципиально важные задачи, связанные с защитой страны. Более того, читая фрагменты отзывов сержантов, цитируемые Селигманом с соавт. (Reivich, Seligman, McBride, 2011), я готов поверить, что Тренинг жизнестойкости – по-настоящему нужная программа психологической подготовки военных.

Впрочем, Х. Фридмен и Б. Роббинс в эту эффективность не верят – они доказывают, что последствия программы могут быть вполне аморальными, несмотря на все декларации, поскольку в ней игнорируется этическая составляющая, и, кроме того, она не обоснована научно. Эти исследователи подробно анализируют ее принципиальные недостатки как этического, так и научного характера (Friedman, Robbins, 2012).

Предметом особого разбора стало само понятие жизнестойкости (resilience). По мнению Х. Фридмена и Б. Роббинса, оно совершенно напрасно возведено М. Селигманом в ранг добродетели без учета контекста и связи с другими качествами. Ярчайший пример – жизнестойкость Гитлера, которую он успешно демонстрировал в течение значительной части жизни. Это крайний пример, подчеркивают авторы, но следует понимать, что понятие жизнестойкости солдата (они цитируют армейское полевое руководство) имеет иную смысловую нагрузку, чем понятие жизнестойкости, используемое в большинстве психологических работ (по изучению детских травм, которые необходимо изживать, и т. п.). Ключевой смысл понятия солдатской жизнестойкости в соответствии с цитируемым армейским руководством – выполнение боевой задачи, миссии, несмотря на какие бы то ни было трудности и препятствия. Как указывают авторы, тренировка жизнестойкости в этом ключе – без формирования четко прописанной этической составляющей – может привести к катастрофе. Солдаты Третьего рейха обладали отличной жизнестойкостью в указанном смысле и отлично (до поры до времени) справлялись с поставленными задачами. При этом Х. Фридмен и Б. Роббинс выражают свое уважение к армии США и веру в то, что открытый диалог по критически важным вопросам необходим для достижения оптимальных результатов (там же). Подробный исторический анализ концептуа-

лизации явления жизнестойкости в психологии и анализ различных вариантов его использования дает также П. Кессман с соавт. (Kessman et al., 2012a). Эти исследователи полностью солидаризируются с Х. Фридменом и Б. Роббинсом: они считают, что деконтекстуализация данного понятия крайне опасна с нравственной точки зрения.

На основании всего изложенного в этом разделе можно сделать вывод, что когда Мартин Селигман, сидя одновременно на двух стульях – позитивной психологии процветания и военной психологии, – убеждает критически настроенную общественность, что он находится в органичной и изящной позе, он ошибается.

Подведем промежуточный итог. При изменении общественно-политической ситуации возглавляемая М. Селигманом ветвь позитивной психологии сумела:

- гибко и почти незаметно вернуться к пафосу «клинической модели», апеллирующей к чрезмерно большому числу отклонений;
- обратиться к той работе (войне), которую, по Селигману, следует отнести к грязным; напомним, что он корил прежние, «допозитивные» общественные науки за то, что они «выполняют грязную работу – ищут средства для борьбы с явлениями, затрудняющими нашу жизнь» (Селигман, 2006, с. 342);
- нечувствительно добавить к изучению счастливого процветающего субъекта исследование человека, занимающегося физической ликвидацией врагов и требующего в связи с этим специфической психологической подготовки, поддержки, последующей реабилитации.

Но кое-что фактически остается неизменным. Это грандиозная цель создания научного монумента современности – позитивной психологии, строящейся уже, правда, не на основе прекрасных образцов искусства процветающей Флоренции XV столетия, так нравившихся Селигману 12 лет назад, а на основе программы Всесторонней солдатской подготовки армии США – краеугольного камня психологии будущего; той программы, достижения которой, по Селигману и Фаулеру, можно будет распространить на все общество. Это кажется неправдоподобным фарсом, не так ли? Читателей, которые так считают, я очень прошу прочесть статью Селигмана 2000 г. «Позитивная психология» в сборнике «Наука оптимизма и надежды: исследовательские эссе в честь М. Селигмана» (Seligman, 2000) и сразу вслед за ней – статью «Всесторонняя солдатская подготовка и будущее психологии» (Seligman, Fowler, 2011).

Заключение

По словам М. Селигмана, по ночам он размышляет «о том, как, образно говоря, подняться с уровня плюс два до плюс семь, – вместо того, чтобы изыскивать способ от минус пяти доплюс до минус трех и почувствовать себя хоть немного менее несчастным» (Селигман, 2006, с. 9).

Согласимся: довести +2 до +7 – это отличная задача. Но насколько легко и возможно ли вообще довести +2 до +7, не анализируя ситуации перехода от 0 до –50 (ориентировочное, косвенно установленное по найденным трупам, число девушек, убитых одной из российских банд за отказ заниматься проституцией), перехода от 0 до –???? (неизвестное число пожилых людей, продавших свои квартиры и не доехавших до места нового проживания), до –937000 (официально признанное число жертв геноцида в Руанде) и т. д.?

Как пишет С. Лем, «тот, кто занимается человеческим бытием, не может исключить из порядка этого бытия массовое человекоубийство. Иначе он отрекается от своего призвания» (Лем, 1990, с. 448). К. Бенсон доказывает, что психологическое и моральное неразрывно связаны и что важнейшей чертой человеческого Я является способность как к целенаправленной и осознанной работе по расширению и развитию человеческих миров, так и к их целенаправленному аморальному сужению и разрушению. Психология человека не может быть раскрыта вне данной способности (Benson, 2001).

Приняв это, надо признать и то, что психология счастья и процветания, если она претендует на познание реальности во всей ее полноте, а также и на помощь всем нуждающимся и страдающим, с неизбежностью должна как-то отнестись или даже, может быть, напрямую заняться теми, кто несет страдание и смерть, представляя злокачественную агрессию, по Э. Фромму, или «активно атакующее зло» (Прокофьев, 2008, 2009), кто реализует вариант жизни «жизнь против жизни», по В. Н. Дружинину. Здесь следует повторить высказывание П. Вонга о том, что «зло может разрушать индивидов и общества, подобно раковым клеткам» (Wong, 2011, p. 77).

При этом, говоря о позициях П. Вонга, И. Бонивелл и некоторых других исследователей, нужно отметить их отличие от позиции М. Селигмана. Еще в 2005 г. Б. Хэлд констатировала появление «второй волны» позитивных психологов, больше ориентированных на интеграцию, чем на разделение психологии на позитивную и негативную (Held, 2005). Видимо, к этой второй волне принадлежит

И. Бонивелл, которая, цитируя жесткую критику оппонентов позитивной психологии – Р. Лазаруса (Lazarus, 2003a, 2003b), Х. Теннена и Г. Аффлека (Tennen, Affleck, 2003), соглашается с ними относительно необходимости синтеза, интеграции позитивной и негативной психологии и их знаний о человеке. Ряд исследователей также обращает внимание на то, что современная позитивная психология представляет все более дифференцирующуюся область с различными подобластями. Среди этих подобластей есть те, которые все больше внимания уделяют темам страдания, жизнестойкости и позитивного совладания в тяжелых условиях (Леонтьев, 2012; Hart, Sasso, 2011)*. В настоящее время полемика с позитивной психологией М. Селигмана, начатая Р. Лазарусом и Б. Хэлд в начале-середине 2000-х годов, продолжается. Делаются доклады на конференциях (Kessman et al., 2012b), публикуются методологические статьи внешних критиков (Фридмен и Роббинс), рассматривающих позитивную психологию как упрощенную, но успешно продвигаемую с помощью активного маркетинга версию гуманистической психологии, а также статьи критиков внутренних (Вонг), не согласных с положениями Селигмана. При этом позиции Фридмена, Роббинса и Вонга совпадают в нескольких ключевых пунктах: позитивная психология игнорирует целостный, холистический подход, упрощает реальность, и выделяемые ею добродетели могут носить деструктивный характер. Но, как коротко замечает П. Вонг, проблема для позитивной психологии заключается в том, что если она займется проблематикой страдания (а также, добавим, проблематикой «негативных индивидов», несущих страдание), то потеряет свою идентичность. Надо отдать должное П. Вонгу как позитивному психологу: к сформулированной им самим теме «негативных черт, ведущих к негативным результатам» он старается обращаться минимально, лишь указывая на то, что это не предмет позитивной психологии.

В целом, в настоящее время можно выделить следующие типы отношения представителей психологии счастья и процветания к преднамеренно совершаемому злу и его носителям (возможно, список неполон, но представление об их позиции по этому вопросу дает).

* При этом нельзя не отметить прагматичный комментарий К. Харта и Т. Заззо: «Уделение большего внимания трудным обстоятельствам поможет заглушить критиков (например, Held, 2005), обвиняющих позитивную психологию в элитаризме» (Hart, Sasso, 2011, с. 91).

1. Перевоспитание врагов и игнорирование тех из них, кто не хочет перевоспитываться («Самый лучший способ избавиться от войны и боеголовок – научиться жить в раю и научить этому своих врагов. Если все будут жить в раю, не нужны будут боеголовки и не будет никаких врагов... А если враги – такие дураки, что не хотят жить в раю, то им же хуже, хотя и жаль» (Линде, 2009)). Можно быть вполне счастливым, несмотря на них.
2. Понимание того, что «нельзя жить здоровой и наполненной жизнью в больном мире, зараженном преступлениями, коррупцией, несправедливостью, угнетением и нищетой» (Wong, 2011, с. 77). При этом тема изучения данных негативных явлений, которые являются причиной невозможности полноценного благополучия, не обсуждается, поскольку не входит в предмет позитивной психологии и способна размыть ее идентичность.
3. Прагматическое отношение к постановке и обсуждению проблемы зла, основанное на возможностях гибкого практического интеллекта, а именно: в условиях благополучия декларируются ценность беспрюирышных игр и отсутствие интереса к динамике в зоне неположительных чисел (интересуют только переходы от положительных к еще большим положительным). В условиях же обострения общественно-политической и экономической ситуации осуществляется быстрый переход к риторике обоснования глобальных угроз, возврат к клинической модели и создание системы подготовки профессиональных борцов со злом, физически уничтожающих носителей угроз, – но в рамках передовой позитивной психологии, монумента психологии будущего (М. Селигман).

При этом психологический анализ структуры деятельности по физическому уничтожению противника и анализ ее центрального отношения – отношения к этому противнику – по видимости, не проводится. Также не проводится анализ целей, отношений, стратегий тех субъектов, которые противостоят «нашим» бойцам (хотя эффективная борьба без этого анализа невозможна). Точнее говоря, на основе открытых статей о практической эффективности развернутой программы можно предполагать, что указанные проблемы вряд ли игнорируются на уровне реальной подготовки – но замалчиваются в текстах, поскольку их обсуждение тоже неприятно размывало бы идентичность позитивной психологии.

Между тем, совладание с преднамеренно созданными противником трудностями (а именно они – основные на войне) радикально отличается от совладания с трудностями, возникшими в силу естественных, ни от кого не зависящих причин. И даже если мы работаем только с людьми, совладающими с трудностями, то для того, чтобы понять особенности этого совладания и поведения в целом, надо понять особенности тех трудностей, которые этим людям созданы, понять поведение того, кто эти трудности создает, – понять, пусть даже это и не входило в исходные задачи позитивной работы (Поддьяков, 2008, 2011).

Соответственно, представляется интересным проследить, как в исследованиях позитивной психологии, расширяющихся сейчас, по выражению П. Вонга, словно лесной пожар, будут в дальнейшем ставиться, обсуждаться и решаться (или не ставиться, не обсуждаться и не решаться) проблемы взаимодействия с носителями активно атакующего зла.

В своей книге «Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии» В. Н. Дружинин писал: «Три роли достойны человека: роли спасателя, защитника и созидателя. Созидатель, конструктор, рабочий, художник, ученый, ученик и учитель, мать и отец, друг и подруга – они воспроизводят и обновляют жизнь. Защитник, полицейский, солдат, пожарный и сторож защищают жизнь от внешних угроз. Спасатель, врач, психолог, священник продлевают физическую и духовную жизнь. В поединке с деструктивной агрессией и бессмысленностью существования единственный смысл индивидуального бытия не является иллюзорным: продолжение жизни человечества» (Дружинин, 2002, с. 133–134).

Но роль защитника от деструктивной агрессии часто предполагает альтернативный альтруизм: человечность по отношению к одним (защищаемым) за счет бесчеловечности по отношению к другим (нападающим), – бесчеловечности, поскольку убийство человека бесчеловечно по отношению к нему (а в экстремальных ситуациях речь идет об убийстве) (Поддьяков, 2007). В альтернативный альтруизм может входить также и бесчеловечность по отношению к себе. Защита Родины, борьба с терроризмом, преступностью, самоотверженная защита другого человека от чужой нефизической и физической агрессии и т. п. – примеры такой деятельности. Сможет ли психология счастья и благополучия отказаться от этих проявлений человечности, чтобы не размывать свою идентичность, или же сохранит и даже разовьет их – вот в чем вопрос.

Литература

- Бонивелл И. Ключи к благополучию: что может позитивная психология. М.: Время, 2009.
- Дружинин В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: Пер Сэ, 2000.
- Ениколопов С. Н. Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 308–335.
- Лем С. Осмотр на месте // Лем С. Из воспоминаний Ийона Тихого. М.: Книжная палата, 1990. URL: <http://lib.rus.ec/b/290909/read> (дата обращения: 17.10.2012).
- Леонтьев Д. А. Выступление на дебатах «Проблема зла и позитивная психология: Александр Поддьяков vs Дмитрий Леонтьев». Москва, НИУ ВШЭ. 18 мая 2012 г. URL: <http://video.hse.ru/video/925> (дата обращения: 17.10.2012).
- Линде Н. Д. Основы современной психотерапии. М.: Академия, 2002.
- Линде Н. Сутра о счастье. 2009. URL: <http://www.voppsy.ru/Linde.htm> (дата обращения: 17.10.2012).
- Назаретян А. П. Физическое и виртуальное насилие: перспектива взаимовлияния реальностей // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 418–438.
- Поддьяков А. Н. Альтер-альтруизм // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. № 3. С. 98–107 URL: http://creativity.ipras.ru/texts/Poddyakov_4-03pp98-107.pdf (дата обращения: 17.10.2012).
- Поддьяков А. Н. Преднамеренное создание трудностей и совладание с ними // Психологические исследования. Электронный журнал. 2008. № 1. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1.html> (дата обращения: 17.10.2012).
- Поддьяков А. Н. Компликология – изучение субъектов и управление ими путем создания трудностей: от биологических механизмов к нравственной рефлексии // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 435–479. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/11/21/1272684575/complicology.doc> (дата обращения: 17.10.2012).

- Прокофьев А. В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. № 5. С. 60–90.
- Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль: Ежегодник. М.: ИФ РАН, 2009. Вып. 9. С. 122–145.
- Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Фейгенберг И. Воспоминания // Независимый психиатрический журнал. 2009. № 2. URL: <http://www.npar.ru/journal/2009/2/feinverg.htm> (дата обращения: 17.10.2012).
- Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011.
- Шолохов М. А. Наука ненависти. URL: <http://victory.mil.ru/lib/books/prose/sholohov2/01.html> (дата обращения: 20.12.2012).
- Benson C. The cultural psychology of self: place, morality and art in human worlds. London; N. Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001.
- Cacioppo J. T., Reis H. T., Zautra Alex J. Social resilience: the value of social fitness with an application to the military // American Psychologist. 2011. V. 1. P. 43–51.
- Csikszentmihaiyi M. Legs or wings? A reply to R. S. Lazarus // Psychological Inquiry. 2003. V. 14 (2). P. 113–115.
- Duck S. Strategems, spoils, and a serpent's tooth: on the delights and dilemmas of personal relationships // The dark side of interpersonal communication / Eds W.R. Cupach, B.H. Spitzberg. N.J., Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 3–24.
- Epstein S. Cognitive-experiential self-theory: An integrative theory of personality // The relational self: convergences in psychoanalysis and social psychology / Ed. R. Curtis. N.Y.: Guilford Press, 1991. P. 111–137.
- Friedman H. L., Robbins B. D. The negative shadow cast by positive psychology: Contrasting views and implications of humanistic and positive psychology on resilience // The Humanistic Psychologist. 2012. V. 40 (1). P. 87–102.
- Hart K. E., Sasso T. Mapping the contours of contemporary positive psychology // Canadian Psychology. 2011. V. 52 (2). P. 82–92. URL: <http://www.apa.org/pubs/journals/features/cap-52-2-82.pdf> (дата обращения: 17.10.2012).
- Held B. S. The negative side of positive psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2004. V. 44. P. 9–46. URL: <http://www.bowdoin>

- edu/faculty/b/bheld/pdf/JHP-held-2004.pdf (дата обращения: 17.10.2012).
- Held B. S.* The “virtues” of positive psychology // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. 2005. V. 25 (1). P. 1–34.
- Kessman P., Howe K., Arcangeli B., Goodman D.* “Resilient” terminology: a genealogy of the wellness literature. Paper presented at the Fifth Annual Humanistic Psychology Conference of the Society for Humanistic Psychology, Division 32 of the American Psychological Association. March 29–April 1. Pittsburgh, PA, USA, 2012a.
- Kessman P., Howe K., Goodman D. M.* Sifting through the “Good Life”: The Downside of Positive Psychology. Paper presented at the Third Biennial Midwinter Meeting Society for Theoretical and Philosophical Psychology. March 1–3. Austin, Texas, USA, 2012b.
- Kuroki M.* Crime victimization and subjective well-being: Evidence from happiness data // *Journal of happiness studies*. Online First, 30 May 2012. URL: <http://www.springerlink.com/content/r55115333134r841/fulltext.pdf> (дата обращения: 17.10.2012).
- Lazarus R. S.* Does the positive psychology movement have legs? // *Psychological Inquiry*. 2003a. V. 14 (2). P. 93–109.
- Lazarus R. S.* The Lazarus Manifesto for positive psychology and psychology in general // *Psychological Inquiry*. 2003b. V. 14 (2). P. 173–189.
- Lee R. M.* *Dangerous fieldwork*. London: Sage, 1995.
- Reivich K. J., Seligman M. E. P., McBride S.* Master Resilience Training in the U. S. Army // *American Psychologist*. 2011. V. 1. P. 25–34.
- Seligman M. E. P.* Positive psychology // *The Science of Optimism and Hope: Research Essays in Honor of Martin E. P. Seligman* / Ed. J. E. Gillham. Radnor, PA: Templeton Foundation Press, 2000. P. 415–430.
- Seligman M. E. P.* *Authentic happiness*. N. Y.: Free Press, 2002.
- Seligman M. E. P., Csikszentmihalyi M.* Positive psychology: An introduction // *American Psychologist*. 2000. V. 55 (1). P. 5–14.
- Seligman M. E. P., Fowler R. D.* Comprehensive Soldier Fitness and the Future of Psychology // *American Psychologist*. 2011. V. 1. P. 82–86.
- Seligman M. E. P., Pawelski J. O.* Positive psychology: FAQs // *Psychological Inquiry*. 2003. V. 14 (2). P. 159–163.
- Servan-Schreiber D.* *Anti-cancer: A new way of life*. N. Y.: Viking, 2009.
- Tennen H., Affleck G.* While accentuating the positive, don’t eliminate the negative or Mr In-Between // *Psychological Inquiry*. 2003. V. 14 (2). P. 163–169.
- Werner H.* *Comparative psychology of mental development*. N. Y.: Percheron Press, 2004.

Wong P. T. P. Radical positive psychology for radical times // Keynote address at the International Council of Psychologists. San Diego, 2007. August 13. URL: http://www.meaning.ca/archives/archive/art_radicalPP2_P_Wong.htm (дата обращения: 17.10.2012).

Wong P. T. P. Positive psychology 2.0: towards a balanced interactive model of the good life // *Canadian Psychology*. 2011. V. 52 (2). P. 69–81.

Zabielski S. Deception and self-deception in qualitative research // Paper presented at the conference “Psychology of the coping behavior”. 2007. May 16–18. Kostroma, Russia.